

Е.Г. Гимпельсон – Мастер и Человек¹

Сегодня, когда центр изучения новой экономической политики переместился в провинцию, а исследовательский фокус сместился в сторону вопросов быта и повседневности, менталитета и дискурсивных практик, начинаешь все острее осознавать, что вместе с Ефимом Гилевичем Гимпельсоном ушло целое поколение ученых – сторонников строгих и точных фактов и, одновременно, смелых идей.

Для нового поколения историков, как многие его друзья и коллеги, Ефим Гилевич все больше превращается в фамилию на обложке книги или на странице журнала. Среди сухих строк справочного издания «Историки России XX века» также невозможно увидеть человека. Но пока есть те, кто жил и работал рядом с ним, остается возможность донести для делающих первые шаги на научном поприще исследователей образ ученого и педагога, всю свою сложную и богатую жизнь отдавшего поискам истины.

Вспоминая об ученом, невозможно оторвать его жизнь от его научного творчества. Тем более, когда сам являешься представителем одного и того же научного цеха. Наши пути пересеклись всего два раза, если не считать, конечно, редких встреч в стенах Института российской истории РАН. Но в силу того, что в точках этих пересечений решались жизненно важные для меня вопросы, эти встречи не могли не оставить глубокий след в моей памяти.

В конце 1999 года к завершению подошла моя работа над докторской диссертацией, и в повестку дня встал вопрос о научных оппонентах. Мой научный консультант профессор Виталий Семенович Лельчук предложил в качестве первого оппонента Ефима Гилевича Гимпельсона, знакомого мне в большей степени по научным публикациям. Доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник одного из ведущих исторических научных центров страны, автор многочисленных трудов, - в глазах провинциала,

¹ *Опубликовано: Орлов И.Б. Е.Г. Гимпельсон – Мастер и Человек // Мастер и наука: Вспоминая, исследуя, подводя итоги. М.: Собрание, 2011. С. 39-43.*

приехавшего в Москву три года назад, он представал в образе «академического небожителя».

Я, конечно, дал свое согласие (можно подумать у аспирантов или докторантов есть большой выбор), а после соответствующего звонка (понятно, со ссылкой на Виталия Семеновича) стал обдумывать свою линию поведения при встрече. Честно говоря, на тот момент это мне казалось более важным, нежели само содержание подготовленной диссертационной работы.

Встреча была назначена дома, а не в стенах ИРИ РАН. Несколько позже я задумался, почему представители этого научного поколения старались одомашнить подобные визиты. Круглый стол времен моего детства посредине комнаты, книги и тихая, неторопливая речь, - все это создавало атмосферу благожелательности и даже некой умиротворенности. Казалось, что вся суэта, связанная с защитным марафоном, осталась за стенами этой квартиры. Есть только ты, Мастер и Наука. Я даже не сразу понял, как во время первой же нашей встречи треснула, а затем рассыпалась стена, разделяющая Мастера и подмастерье. Полчаса неторопливой беседы, казалось, пролетели со скоростью курьерского поезда. Разговор шел не столько о достоинствах и недостатках работы, сколько о Науке вообще, о месте и роле настоящего Ученого в этом сложном мире. Как-то незаметно разговор перекинулся на мои научные планы. В общем, выходя от Ефима Гилевича, я вынес с собой твердую уверенность в том, что наукой занимался, занимаюсь и буду заниматься, во что бы то ни стало.

Через несколько дней, я приехал к нему домой, чтобы забрать отзыв официального оппонента, и опять разговор плавно перетек в неофициальную беседу о перспективах исследования новой экономической политики. Ефим Гилевич с твердой уверенностью отстаивал свою идею о том, что отказ от нэпа был сознательно совершен правящей партией. Он рассуждал о соотношении нэповской экономической реформы и «военно-пролетарской» политической системы как механизма осуществления политики правящей партии на всем протяжении 1920-х годов, а не только на его переломных стадиях. Конечно,

причины свертывания нэпа Ефим Гилевич видел комплексно (в том числе признавал обострение социально-экономической ситуации в стране), но в первую очередь - в идеолого-политических и особенно связанных с личностью Сталина причинах. Тогда как остальные причины считал производными от вышеуказанных. Одновременно он не мог принять ту жесткую точку зрения, что хозяйственная либерализация начала двадцатых годов сопровождалась ужесточением политического режима. В конце разговора мягко, в присущей ему интеллигентной манере, пожурил меня за недоучет политических факторов свертывания новой экономической политики. Впрочем, тут же признал за мной право следовать своим путем в исследовании нэповской проблематики.

Саму защиту, если честно, помню весьма смутно. Память услужливо подсказывает только момент объявления итогов голосования и последовавшие за этим поздравления коллег. Ефим Гилевич подошел ко мне, когда все желавшие поздравить отошли в сторону, пожал руку и сказал что-то вроде того, что защита докторской это отнюдь не конец, а начало серьезной научной деятельности.

Прошло около года после защиты. Я уже успел получить диплом доктора исторических наук и, честно говоря, в суматохе навалившихся дел вычеркнуть из памяти встречу с Ефимом Гилевичем. Когда неожиданно он сам позвонил мне и спросил, читал ли я его новую книгу о политической системе двадцатых годов.² В тот период я еще успевал читать (или хотя бы просматривать) всю выходящую литературу о нэпе. Тем более, мимо моего внимания никак не могла пройти работа одного из ведущих специалистов в этой области. Я сказал Ефиму Гилевичу, что, конечно, прочитал эту книгу. Но, не зря говорится: «Язык мой – враг мой». Не смог удержаться, чтобы не сказать, что не совсем в этой работе согласен. И тут же прикусил язык, подумав, как к подобной наглости отнесется мэтр. Хотя мягкий и интеллигентный человек, каким был

² Гимпельсон Е.Г. Нэп и советская политическая система. 20-е годы. М.: ИРИ РАН, 2000. 440 с. Новая книга была составной частью исследования фундаментальной проблемы формирования советской политической системы и логически продолжала предыдущий труд, хронологически охватывающий период 1917-1923 годов. См.: Гимпельсон Е.Г. Формирование советской политической системы. 1917-1923 гг. М., 1995.

Ефим Гилевич, мало ассоциировался с моими представлениями о мэтре, тем не менее ...

Каково же было мое удивление, когда я услышал спокойный голос Ефима Гилевича: «Так давайте поспорим открыто». И после небольшой паузы: «У Вас есть возможность написать рецензию на мою последнюю книгу». То есть это предложение не прозвучало открыто. Тем самым мне давалась возможность для отступления. Честно говоря, у меня была куча других дел (да и писать рецензии дело трудоемкое и неблагодарное). В общем, не было ничего такого, чтобы заставило меня сказать «да». Тем не менее, я поблагодарил Ефима Гилевича за честь оппонировать его идеям и заявил, что с удовольствием это сделаю. Даже еще довольно неуклюже пошутил на тему того, что смогу отыграться за те замечания, которые мне были высказаны на защите докторской диссертации.

Только положив трубку, я осознал, во что ввязался. Но пути назад уже не было. Оставалось надеяться, что рецензия будет воспринята с таким же интеллигентной невозмутимостью, как и мои предыдущие слова. Ожидания меня не обманули. Как только рецензия увидела свет,³ я сам перезвонил Ефиму Гилевичу. Меня интересовало, прежде всего, не обиделся ли Мастер на некоторые, пусть и сглаженные, критические формулировки рецензии. Однако разговор получился не только содержательным, но и открытым. Ученый, согласившись с рядом замечаний, тем не менее, перевел разговор в плоскость соотношения реформ и контрреформ в рамках новой экономической политики и, соответственно, выявления критериев нэпа как некой системной целостности. Другими словами, после разговора с Ефимом Гилевичем, у меня осталось впечатление, что те вопросы, которые мне казались очевидными и простыми истинами, не столь однозначны. В частности, я не мог не согласиться с тем, что никаких шансов у «бухаринской альтернативы» не было, исходя из соотношения сил в руководстве партии, а также из-за ее утопичности - что

³ Орлов И.Б. «Соблазны нэпа» и политическая система 1920-х годов // Отечественная история. 2002. № 1. С. 209-211.

через развитие рыночных отношений можно прийти к социализму. Трудно было оспорить и заключение о том, что, вопреки декларациям о строительстве нового общества, воспроизводились традиционные для России государственные структуры, хотя и с иным социальным содержанием. Хотя мне тоже удалось зародить в Ефиме Гилевиче сомнения относительно наличия у Ленина сложившейся концепции нэпа. Но главное другое – тот бесценный опыт, который я приобрел в ходе таких разговоров – дискуссий. Опыт аргументирования своих выводов, отстаивания своей позиции и даже определенной «политкорректности» в отношениях с коллегами по историческому цеху. Мастер не только дал неоценимый «урок» исследовательской «кухни», но и продемонстрировал пример самых лучших человеческих качеств. Именно таким он остался в моей памяти.